

Нет перерелигиозных людей, как не существует, например, человека вне морали или политики. Каждый религиозен по-своему и лишь изредка может пребывать на религиозном перепутье, временами утрачивая одну систему священных идеалов и находясь в тревожном состоянии поиска альтернативной системы сакральных ценностей.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 127.

² Там же. Т. 36. С. 161.

³ Медведев А. В. Библейский образ человека и задачи современного атеизма // Отношение человека к иррациональному. Свердловск, 1989. С. 97.

⁴ См.: Жуковский В. Д. Маркс после Маркса. Нижневартовск, 1999.

⁵ Там же. С. 156.

⁶ См.: Пивоваров Д. В. Душа и вера. Оренбург, 2003.

⁷ Лившиц Р. Л. Духовность и бездуховность личности. Екатеринбург, 1997. С. 24.

⁸ Невселев А. Б. Дух и мыслительные формы в контексте становления индивидуальности: Дис. ... д-ра филос. наук. Екатеринбург, 1998. С. 50; см. также: Невселев А. Б. Событие духа: от мысли к Лику. Челябинск, 1997.

⁹ См.: Пивоваров Д. В. Религия // Современный философский словарь / Под ред. В. Е. Кемсрова. М. 2004. С. 583–588.

В. М. Князев
г. Екатеринбург

УНИВЕРСАЛИЗМ И ДУХОВНЫЙ СМЫСЛ СВОБОДЫ

Универсализм свободы двоякого свойства — это универсализм негации и универсализм полноты и совершенства бытия. Негативное и позитивное проявление свободы является двумя сторонами одного и того же действия, которое совершается субъекта свободы, способным быть независимым «от» и свободным «для». Человек может в идеале, будучи субъектом свободы, достигнуть совершенства в ее деле, выявив при этом ее универсальный, всеобщий характер.

Человек выступает по отношению к двоякому действию свободы в качестве ее безропотного посетителя, и в качестве сущего источника ее бытия. Он может быть рабом свободы и ее господином. Но в любом случае бытие свободы и бытие человека не существуют раздельно друг от друга — они событийны. Поэтому, говоря о проблеме свободы, мы не входим в непримиримость спора между реализмом и номинализмом, а придерживаемся почвы умеренного номинализма, виталистического универсализма. Субстанциональное бытие вечной жизни универсально, ибо оно все-

едино и целостно, но оно же и поминалистично, так в нем осуществляется многообразие всеединого.

Проблема свободы — это проблема субъекта свободы, его духовной зрелости. Человек, входя в царство свободы должен дать себе ответ на вопрос: способен ли он в духовной силе его души видеть ясно существо свободы и с решимостью действия отнестись к нему, так чтобы быть достойным существа свободы, используя ее силу во благо совершенства и универсализма жизни.

Не во власти человека великая сила свободы, но в человеческой власти пайти верное отношение к универсализму свободы и стать, с одной стороны, ее покорным посетителем, а с другой — сущим началом ее бытия. Бездумное, потребительское, ребяческое отношение к свободе — пошлени, благоглупость или умышленное преступление. Никто в здравом уме не играет с огнем, с ядерной энергией. Смертельная опасность этого очевидна для всех вменяемых и разумных людей. А по отношению к духовной энергетике, по отношению к духу свободы, к ее возможному всеразрушающему беспределу царит беспечно слепое отношение. Все говорят о свободе как свершившемся факте, видимо, не понимая, что свободен только Бог, а человеку свобода задана как недостижимый предел совершенства. То, что назевается ныне именем свободы, есть, в действительности, рабство от греха, аморализма и распущенности, в которое закономерно приходит человек, потерявший стыд, милосердие, благоговение перед высшим. Эмансипацию инстинкта, открытый ящик Пандоры, назвали свободой. Однако не все, что блестит золото. Назвав себя свободным, не становишься таковым.

Как такое упомешательство в понимании свободы возможно? По нашему мнению, два обстоятельства обуславливают слепую моду на свободу.

Это невероятная трудность в деле владения свободой, которая проистекает из ее не всем доступной духовной природы. Феномен свободы бытийствует в самосознании человека не на уровне абстрактного понятия, не на уровне чувственного мычания: «хочу и все тут», а на уровне зрелой идеи, в которой есть ясный ответ на вопросы: что есть свобода и как ее разумно, по истине распорядиться? Свобода — это индивидуация, универсализация своего бытия, в процессе чего человек обретает подлинный смысл своей жизни, действительную самость, самостоятельность поведения, а не индивидуализация, атомизация и пигиляция своего бытия в виртуальности игрового времяпрепровождения.

Во-вторых, — это эмоциональное опьянение от встречи со свободой, от страстного желания быть свободным. Это отсутствие

трезвения, аскезы по отношению к буре и натиску свободы. Могучий и прекрасный дух свободы впускается в открытое, зовущее и истомленное по свободе пространство души и человек становится одержимым духом свободы. В состоянии одержимости человек не только двойственен, противоречив в своих желаниях, ибо то, что он хочет, то не делает, а то, что не хочет, то делает. В состоянии одержимости он только безудержно хочет и его вожделение ненасытно. Человек становится фанатиком, он проекции своего воспаленного до предела сознания навязывает всем, требуя их узаконить по праву их истинности.

Рассмотрим эти две трудности свободы применительно к нашему сегодняшнему умунастроению.

Свобода как благополучие духа, его духовное здоровье не дается, а завоевывается. Свобода производна от духовной зрелости человека, способности его душевного духа принять в сосредоточие своей души силу универсализма свободы и разумно распорядится этой великой силой во имя духовного преобразования своего естества в полноте, совершенстве и бессмертии вечной жизни. Конформист, потребитель, инфантильный субъект, постоянно плачущий о невыносимых, бесчеловечных условиях жизни не может быть свободным, ибо непомерно тяжелый груз свободы тотчас раздавит этого хлюпика. В. И. Ленин совершенно прав, когда говорил, что ни раб, ни холоп, ни холуй, а только революционер способен претендовать на дар свободы.

В современной России под воздействием моды на неверно понятую свободу воцаряется добровольное рабство, образуется сословие «счастливых рабов» и наряду с этим стадом «баранов» подрастают хищники, приватизировавшие право на свободу. Материализуются в практику жизни два неверных понимания свободы. И это беспокоит, ибо в этом крайнем духовном уклоне коренятся все беды современной России. Российский человек не выдержал искушение свободой и стал заложником ее разрушительных, смертельно опасных для его души стихий. Свобода, понятая как эмансипация инстинкта, фундаментализм рыночных, никакой моралью не сдерживаемых отношений, рождает в качестве героев нашего времени гангстеров, извращенцев, психологически взвинченных до истерии людей.

Все было бы хорошо в царстве управляемой демократии: и «счастливые рабы» были бы счастливы и «хищники» сыты и довольны. Только, вот беда: «счастливые рабы» — это не люди, а биороботы, они утрачивают живую душевную связь с Универсумом жизни и уже при жизни становятся мертвы для духовного

совершенства и самостоятельного вступления в царство свободы. Не случайно в этом плане, а закономерно то, что в пространстве России можно безболезненно заменить одно стадо биороботов на другое. Можно заменить, к примеру, «счастливого раба» из «россиян» на «счастливого раба» из «азиатов», «легионеров». От этой замены ничего не выиграет и ничего не проиграет духовное бытие свободы. С другой стороны «хищники», которые приватизировали право на свободу, не догадываются, что они рабы свободы.

Свобода как сила независимости паделает субъект свободы способностью реально быть свободным «от». И по мере того как пространство независимости расширяется, и человек становится универсально независимым от того, другого, третьего, в пределе от всего, то возникают вопросы: в чем смысл независимости, во имя чего она? Бежать от всего — от привязанностей, долга, ответственности, от определенности и ясности своего бытия — это, в конечном счете, бежать от себя. Если это так, то тогда в этом беге исчезает субъект свободы, а вместе с ним и свобода. А на место свободы заступает сила негации, которая в полноте силы и вседозволенности превращается в силу смерти.

Таким образом, действующий универсализм независимости таит в себе смертельную опасность для жизни человека. Сладкие объятия свободы, когда они становятся чрезмерно сильными, поработают человека, лишая его свободы. Поэтому, чтобы быть в этих условиях свободным, надо быть свободным от всеислия и универсализма негативной, от всего независимой свободы.

Свобода в своем негативном действии подобна смерти, которая в качестве бездны небытия сопровождает каждый шаг жизни. Действительно, смерть независима от множества конкретных и единичных форм жизни. Ничто не может урезонить произвол смерти, кроме силы бессмертной, вечной жизни. Следовательно, и человек может реально контролировать разрушительную стихию негативной свободы только через свою сопричастность бытию вечной жизни. Вернее сказать, человек, впусив в свою душу силу негации, должен одновременно открыть свою душу и для действия вечной жизни.

Для Абсолюта смерть позитивна, она выполняет роль жизненности, ежесекундного обновления статики всеединства через динамизм многообразия единого. Поэтому полнота и всемогущество силы независимости проистекает от жизненности вечной жизни. Смерть обновляет бытие вечной жизни, освобождая его от всего омертвелоого, уставшего и неспособного выполнять требования ее воли. Смерть потому являет нам силу небытия для всего живого,

что она производна от полноты силы всей вечной жизни. Универсализм свободы позволяет субъекту свободы быть независимым от всего, его свобода разумна — она видит своеобразие каждого индивидуального бытия и относится к нему не тревожа его природы, ибо сливается с высшей необходимостью развития этой природы. А высшая необходимость всего частичного во всеединстве, целостности бытия, которое объемлет все единичное и частичное.

Быть силой значит иметь власть над тем, что подвластно тебе, что есть твое другое, и быть одновременно независимым от этого другого. Быть свободным — значит владеть энергией мысли, мыслящей в предметности Абсолютного, и подчиняющейся в своем свободном полете «сладкому игу» Его закона. В. С. Соловьев это хорошо описал в своих произведениях. «Абсолютное есть ничто и все — ничто, поскольку оно не есть что-нибудь, и все, поскольку оно не может быть лишено чего-нибудь. Это сводится к одному и тому же, ибо все, не будучи чем-нибудь, есть ничто и, с другой стороны, ничто, которое есть (положительное ничто), может быть только всем. Если оно есть ничто, то бытие для него есть другое, и если вместе с тем оно есть начало бытия (как обладающее его положительной силой), то оно есть начало своего другого. Если бы абсолютное оставалось только самим собой, исключая все другое, то это другое было бы его отрицанием и, следовательно, оно само не было бы уже абсолютным. Другими словами, если бы оно утверждало себя как абсолютное, то именно поэтому и не могло бы им быть, ибо тогда его другое, неабсолютное, было бы вне его как его отрицание или граница, следовательно, оно было бы ограниченным, исключительным и несвободным. Таким образом, для того, чтобы быть, чем оно есть, оно должно быть противоположным себе и своего противоположного. Этот верховный логический закон есть только отвлеченное выражение для великого физического и морального факта любви»¹. Абсолютное тройственно — в нем обнаруживается ничто, ничто и сущее — единство этих противоположностей. Оно как сила свободы не есть независимость и не есть не самоутверждение, то есть это есть сила жизненно созидающей любви. «Хищник», приватизировавший право на свободу должен любить стадо своих баранов. Для хищника, живущего алчностью ничем не ограниченного инстинкта это невозможно. Либо хищник должен духовно преобразиться и подняться до духовных высот любви, либо стадо баранов должно найти для себя пастыря доброго, или выйти из состояния «святого рабства» и стать достойным жизни в царстве действительной свободы. Таким образом, вопрос о свободе — открытый вопрос,

на него нет однозначного ответа. Ответ может дать только та жизнь, субъекты которой поднимутся до истины свободы.

Духовному совершеннолетию, несомненно, будет способствовать спокойное отношение к дару свободы, своеобразное снижение амплитуды колебаний маятника оценки свободы, который качается от абсолютизации тоталитаризма и либерализма.

Сейчас маятник предвзятой до одержимости аксиологии свободы, оттолкнувшись в порыве беспощадной критики тоталитаризма, качнулся в крайность беспредельного либерализма.

Известно, что маятник «аксиологии свободы» раскачивают идеологи, глашатаи той или иной политической, социальной силы, которая претендует на монопольное исполнение роли ведущей силы истории. Библией российского либерализма в начале его исторического восхождения была книга Карла Поппера «Открытое общество и его враги».

Либералы, горящие огнем веры в приблизившееся царство свободы, относятся к этой книге Поппера как к Библии либерализма. А между тем в этой книге дано страстное, крайнее в своей односторонности понимание свободы. О пристрастном понимании свободы говорит само название произведения «Открытое общество и его враги», стилистика, эпитеты в отношении идеологических противников Поппера вся пропитана эмоцией праведного отрицания. Такие гении мысли как Платон, Гегель, Маркс страстно осуждают за мифологии, морализаторство их историцизма.

А между тем пафос самого Поппера проистекает из мифологемы, согласно которой будущее нам подвластно и мы ответственны за него, ибо мы творцы земного рая на земле. В условиях глобализации пассионарии свободы, руководствуясь смыслами этой мифологемы, обретают решимость перестроить не свой дом и свой родной город, а весь мир в его планетарном масштабе. Это миф секулярной культуры, он стар, как стар многовековой и безуспешный в своих многочисленных попытках опыт мировой истории, в котором осуществлялась одна и та же навязчивая идея построить царство демократии без смирения перед разумом традиции.

На что опирается пафос этой идеи? На логическую ясность и определенность критического мышления скептика. Во времена Сократа, которого демократическим образом осудили на смерть, благоденствовало и жило безбедно целое сословие софистов, которые то и делали, что отрицали объективное бытие истины и проповедовали свободу как вседозволенность. Кто помнит о тех софистах, а жизненная правда Сократа, его открытость объективному предмету истины жива и будет жить до тех пор, пока есть

стремление к подлинному, абсолютному бытию, пока есть понимание истины как того бытия, которому мы служим, а не того, что служит нашему изменчивому и капризному мнению. По мнению Поппера, элита демократии — своеобразное сословие «софистов» должно быть воспитано. «Все они должны быть воспитаны в духе служения объективной истине, интересам опирающегося на закон правосудия — и ничему более. В мирное время им непозволительно руководствоваться никакими «высшими» интересами, никакими интересами государства»². Что это за объективная истина, если ее высшим горизонтом является правовое равенство, равенство перед законом, который является отчужденной, бездушной волей государства, стоящего на службе действительно правящего класса, а не волей исторической традиции, не голосом совести народной морали. И что это за будущее построят глобалисты, исходя из такого понимания объективной истины, до слуха которой не достигает ни один вопль угнетенной твари.

Рационализм истины Поппера не только бездушен, но и деспотичен в своей односторонности. Почему истина непременно должна быть рационалистичной, научной? Что она не может нам явиться в другом наряде или ей народу написано выступать в форме скелета рассудочных схем? Нет истина обладает полнотой бытия и подлинно является как органический синтез благой воли, предметно смиренного разума, интуитивно очевидной красоты. Диктатура рационалистической секулярной культуры доходит в экстазе своей независимости до отрицания логики, из которой берет силу убедительности своих суждений. Согласно логике, никто не есть судья в своем деле, в том числе и разум. Вера разума исходит из тождества бытия и мышления. Все действительно разумно. А что не разумно, то и не действительно. Непостижимое неразумно, следовательно, это бред, субъективное заблуждение иллюзия, но не действительность.

Скептицизм претендует на роль судьи, стоящего над схваткой, над спором двух вер. Но это обман. Хотя исходная посылка совершенно правильна. Действительно, находясь в разном эмоциональном состоянии, в разной отрешенности разума от эмоций, мы по-разному воспринимаем мир. Реальность дана нам как карта, как очень приблизительная в своей субъективности модель мира. Но ведь предметом любой субъективной реальности, в конечном счете, является объективный мир. Как бы далеко мы не улетаем в своей фантазии, мы улетаем с грешной земли и возвращаемся на нее. Как бы далеко человек свободы Поппера, абсолютно от всего независимый благодаря своему скептицизму и рационализму, не уходил

от серой массы народа, от его культуры и веры, он все равно, как спутник крутится по орбите своего критицизма вокруг того, что является предметом критики. Что он бедный будет критиковать, если не будет величественной и достойной для развития жизни и в том числе и для критически осмысленного развития жизни, если не будет действительного предмета мысли. Или тень будет играть с тенью, тогда будет тьма — смерть мысли, что мы и видим в современном постмодернизме.

У Поппера и у его знаменитых и именитых последователей, а также предшественников; из предшественников следует назвать Черчилля, Б. Рассела, а из последователей — Дж. Сороса есть замечательная мысль, с которой мы полностью согласны. Это мысль о том, что институт демократии очень несовершенен, но лучше его на сегодняшний день нет и потому нет альтернативы демократическому развитию общества. Эта мысль созвучна с мыслью Аристотеля, который относительно ценности знания метафизики заметил, что наука метафизика самая бесполезная из всех наук, но лучше ее нет, ибо через ее знание мы причастны мудрости Бога. Следовательно, путь к свободе пролегает через решение проблемы демократии, через правильное ее развитие.

Конечно, субъектом демократии является отдельно взятый человек. И мы здесь согласны с номинализмом идеологов либерализма. Но тот, уточняем мы, отдельно взятый человек, который в духе своем аккумулировал универсализм абсолютной свободы, кто отдал свое самосознание для персонификации родовой сущности человека.

Как уже сказано, проблема свободы, это проблема субъекта, проблема его духовной зрелости. Только духовно сильный человек, вобравший в опыт духа своего опыт многих людей, способен нести груз свободы. Действительным субъектом свободы является собирательный организм всего общества, его институты воли, разума, чувства. А персонификацией, номинальным носителем этих сущностных духовных сил является отдельный человек, воля которого устремлена к абсолютному благу, разум — к предметности истины, чувство — к очевидному образу красоты. Если этого нет, то некая абстракция человека, человек вообще, подпоручик Кижэ будут нам представлять на экранах средств массовой информации очередную версию идеологически понятой свободы. И тогда единственно возможный путь к свободе — путь демократии погрузится в туман лжи, фальсификации и мы собьемся с этого пути и не когда не обретем желанной свободы. Быть на пути и не дойти до цели не только глупо, но и не практично.

¹ Соловьев В. С. Философские начала цельного знания. Минск, 1999. С. 316–317.

² Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 1. С. 10.

Е. В. Иванова
г. Екатеринбург

К ВОПРОСУ О СМЫСЛООБРАЗУЮЩЕЙ ФУНКЦИИ МИФА

В настоящее время в литературе, посвященной философии мифа нет однозначного определения, что собой представляет миф. Например, В. Найдыш выделяет до 30 определений мифа, раскрывающих этот феномен культуры с различных сторон. Думается, что выявление главных функций мифа в современном внеаучном способе интеллектуального освоения мира человеком поможет методологически определиться в данном вопросе. На сегодняшний день исследователями в области мифологии выделяются множество функций этого феномена: коммуникативная, воспитательная, транслирующая опыт поколений, однако все они недостаточно обосновывают главное предназначение мифологического мышления — задать смысл живущему человеку «здесь и сейчас» путем идентификации его с главными мифологическими героями.

Смыслообразующая функция мифа раскрывается в процессе мифотворчества. Специфика мифотворчества подробно исследована в работах В. М. Найдыша. Он считает мифотворческими такие типологические результаты деятельности сознания, при которых возникает конкретно-чувственная образность. Это позволяет говорить о преемственности архаического и современного мифического сознания. «Мифотворчество — это особая специфическая деятельность духа, способная к историческому разрыву, к многообразным инкарнациям в культуре, имеющая множество ипостасей. Мифотворчество постоянно воспроизводится в некоторых фундаментальных отношениях способа человеческой жизнедеятельности и является культурной универсалией» [1]. С этим, конечно, следует согласиться, однако, когда далее данный автор пытается выявить особенности мифотворчества, возникают спорные моменты. Им выделяются три особенности мифотворчества. Первая — «миф — это всегда до- и внетеоретическое обобщение мира» в смысле того, что мифологическое сознание всегда вписано в строгую систему мифологических координат, «миф был всего лишь способом обобщения всего того опыта, который постоянно накапливался в практике». В архаических сообществах так и